

Джон Уинслейд, Джеральд Монк¹

Практика нарративной медиации

Как ослабить тиски конфликта

Глава 8

Восстановительная конференция в школах

Одним из ограничений медиации, как практики, является изоляция двух сторон в центре конфликта. Это - построенный на предположении процесс, в котором все можно свести к индивидуальным интересам, привычно отождествляя двух людей как протагонистов в драме под названием медиация. При этом работа только с ними, серьезно влияет на процесс разрешения конфликта. Это может привести к такому исходу, в рамках которого активно будут участвовать только эти двое, независимо от того, сколько других лиц пострадали от этого исхода дела. Конфликтная ситуация обычно бросает тень на все многообразие отношений вокруг главных участников, а действия тех, кто находится в этой тени могут либо усугубить или смягчить последствия конфликта. Короче говоря, медиация с участием двух человек слишком часто выключает из процесса многих людей, кровно заинтересованных в исходе разрешения конфликта.

Когда нарушается баланс влияния между двумя лицами в центре конфликта, медиация ограниченная только двумя сторонами, вытесняет возможные шаги по восстановлению баланса с помощью подключения большего числа голосов. Кроме того, есть много конфликтов, которые прорастают и углубляются внутри группы людей, а не исключительно между частными лицами. В таких случаях, выстраивание двухсторонней медиации может глубоко исказить конфликтную историю и может формировать такие «решения», воплощенные в альтернативной истории, которые мало кто будет выполнять.

В этой главе мы рассмотрим некоторые возможности изменения угла зрения, под которым рассматривается конфликт, уменьшения масштаба и работы с укрупненной картиной событий. Для этого мы используем контекст с которым мы знакомы и который часто описывается как (среди прочих названий) восстановительная конференция. В качестве одного из исходных принципов процесс конференции опирается на идею включения сообщества заботы и поддержки в решение проблемы и увязывание усилий сообщества заботы и поддержки с любым сложившимся процессом принятия решений. Существует многообразие подходов к работе по организации таких конференций, и мы участвовали в разработке подхода восстановительных конференций, основанного на использовании нарративной метафоры. В этой главе дается обзор данного подхода, при этом он помещается в более широкий контекст других аналогичных подходов.

Восстановительное правосудие

За последние десятилетия мы наблюдали, как различные инновационные практики разрешения конфликтов объединились в то, что называется восстановительным правосудием. Говард Зер (1990, 2002) был первым, кто сформулировал отличие между

¹
Practicing Narrative Mediation. Loosening the Grip of Conflict. John Winslade, Gerald Monk. Автор перевода – Сергей Сафронов – член Кузбасской ассоциации медиаторов (Кемерово, август 2015)

восстановительным подходом и проблемами правосудия после того, как преступление было совершено. Он считает, что акцент на понимании поведения нарушителя в отличие от реляционного взгляда занимает центральное место в подходе к восстановительному правосудию. В отличие от того, что он называет карательным правосудием (основной подход в системах правосудия большинства современных государств), восстановительное правосудие смещает общественный акцент с демонстрации власти государства и защиты правил путем наказания обидчика. Вместо этого, обществу предлагают взглянуть на любое правонарушение, в первую очередь, как преступление против других лиц. В конечном итоге, преступное деяние причиняет вред другим, их взаимоотношениям и окружающему сообществу. Господствующие правовые системы мало обращают внимания на заглаживание вреда, наносимого правонарушением. Они сосредоточены на восстановлении главенства права и самих правоохранителей. Таким образом, жертвы преступлений конечно могут испытывать некоторое удовлетворение, видя то, что нарушитель наказан, но, сами они, как правило, получают незначительную пользу от факта отправления правосудия. Если они потеряли деньги, например, они не получают их обратно. Если их унизили и причинили боль, они не получают эмоциональную поддержку. Например, если на них напали, и они не могут избавиться от страха насилия, то вряд ли судебная процедура уменьшит их страх, равно как и вынесение формального наказания на правонарушителей, которые редко демонстрируют раскаяние.

В противовес этому, процессы восстановительного правосудия сосредоточены на заглаживании вреда, нанесенного преступлением. Это может быть достигнуто путем урегулирования вреда, нанесенного отношениям или сообществу. Восстановительное правосудие обязательно включает в себя признание обязательного права на выслушивание голоса жертвы с последующим уточнением того, что ей нужно для минимизации ущерба. Этот восстановительный аспект заметно отличается от акцента либо на наказании, либо на реабилитации. Вместо того, чтобы работать над изменения личности одного лишь обидчика, а реабилитация именно этим и занимается, восстановительное подход требует того, чтобы обидчик сделал отношенческий (реляционный) шаг и принял некоторую меру ответственности перед потерпевшим. Реабилитация подвергается критике на том основании, что она не делает ничего для жертвы, а если в процессе выслушивания объяснений действий правонарушителей и возникает сочувствие по отношению к их сложным жизненным обстоятельствам, это может в некотором роде оправдывать деяния преступников, что уменьшает их ответственность.

Определение *восстановительного правосудия*, которое отражает консенсусное мнение, было опубликовано в справочнике Организации Объединенных Наций. Там говорится, что "восстановительное правосудие относится к такому способу реагирования на совершенное преступление, когда акцент делается на заглаживании вреда, причиняемого жертвам, возложением ответственности на правонарушителей за их действия, а зачастую также вовлечением сообщества в разрешение этого конфликт" (Dandurand and Griffiths, 2006).

На ранних этапах процессы восстановительного правосудия в Соединенных Штатах квалифицировались как *медиация* жертвы и правонарушителя (Umbreit, 1994), и теперь у них за плечами двадцатипятилетний опыт применения этой практики. Они сосредоточены на организации встреч между взрослыми правонарушителями и их жертвами для следующих целей: «жертва может рассказать обидчику о физических, эмоциональных и финансовых последствиях преступления; получить ответы на все еще остающиеся вопросы о преступлении и о преступнике; и непосредственно участвовать в разработке плана возмещения убытков, когда правонарушитель выплачивает какую-либо финансовую компенсацию в адрес жертвы» (Bazemore & Umbreit, 2001, стр. 2).

Гордон Баземор и Марк Убрайт (Umbreit Gordon Bazemore and Mark Umbreit) (2001) насчитали 320 программ *медиации* жертва-правонарушитель в Соединенных Штатах и Канаде. Лоррейн Амстутц и Джуди Муллет (Lorraine Amstutz and Judy Mullet, 2005) утверждают, что только Соединенных Штатах существует более 500 программ.

Практики коренных народов

Совершенно другой подход сформировался в Новой Зеландии и одновременно в Канаде в результате инициатив коренных народов. В Новой Зеландии, в ответ на запрос от народа маори, которые хотели получить полномочия для решения вопросов преступности среди своих несовершеннолетних, правительство запустило пилотный процесс для организации конференций в рамках движения *Matua Whangai*. Эта модель для работы с малолетним преступниками народности маори была признана настолько удачной, что она была внедрена в законодательство Новой Зеландии в 1989 году, как важнейший метод борьбы со всеми видами преступности в среде несовершеннолетних. Вместо того, чтобы сразу оказаться в зале суда, молодые люди в Новой Зеландии, по всем видам правонарушений, кроме самых серьезных преступлений, направляются на семейную конференцию (MacRae & Zehr, 2004; Maxwell & Morris, 1993, 2006; Morris & Maxwell, 1998, 2001). В рамках этого подхода на совместную конференцию собираются вместе близкие и дальние родственники, жертвы и члены группы поддержки жертв, полиция и социальные работники. Цель конференции: решение проблемы, созданной правонарушением. Члены семьи, а не только конкретный правонарушитель, несут основную ответственность за разработку плана по решению задачи восстановления ущерба, причиненного преступлением. Этот план, однако, должны быть приемлемым как для потерпевшего, так и для полиции. Этот процесс не возник из ниоткуда. Он опирается на историческую традицию применения практики *hui* народа маори («собрание сообщества»), которая используется для решения конфликта (Durie Hall, 1999; Macfarlane, 2000).

Также признано, что подход на основе восстановительного правосудия в Канаде уходит корнями в культуры коренных народов (Cormier, 2002). Так процесс, похожий на семейную конференцию, *круги правосудия* (Stuart, 1997; Cormier), был разработан исходя из практики коренных народов. В таких кругах правосудия люди действительно садятся в круг и высказываются по очереди в процессе решения проблем, актуальных для сообщества. В противовес, разработанному и позднее узаконенному в Новой Зеландии процессу, разработанный в Канаде процесс не применялся повсеместно, в основном, потому что он не был узаконен для применения в качестве метода борьбы с любыми видами правонарушений несовершеннолетних.

Быстрое международное распространение

Интерес к использованию восстановительных конференций для целей восстановительного правосудия распространилась на многие регионы планеты, а не только как методика работы с несовершеннолетними, но и как функция взрослых судов (Morris & Maxwell, 2001). Отчасти, такой интерес является ответом на увеличение во многих странах числа правонарушителей, заключаемых под стражу. В Новой Зеландии осуществляется пилотная программа, которая расширяет возможности использования восстановительного правосудия в формате конференций и включает в себя направления от взрослых судов (Triggs, 2005). В Австралии практикуется семейная конференция под названием *конференция сообществ* (Hyndman, Thorsborne, and Wood, 1996). В США многие местные юрисдикции запустили программы, предлагающие семейные конференции (Mirsky 2003, примерно 150 программ) или разработали аналогичные программы, под разными названиями, такие как *примирительные комиссии сообщества* (Karp, 2002), *семейные группы принятия решений* (Mirsky, 2003), *встречи по сплочению семьи* (Mirsky, 2003). В Канаде, программы, использующие те же процессы называют *форумы общественного правосудия* (Cormier, 2002).

Есть также много европейских наработок в области восстановительных конференций. Например, Англия, Шотландия, Уэльс реализуют множество инициатив во внедрению семейных конференций (Mirsky, 2002).

Скандинавские страны Норвегия, Швеция, Финляндия и Дания в течение ряда лет

реализуют программы семейных конференций (Mirsky, 2003). Ряд проектов ведутся и в Бельгии. Международные конференции по теме были проведены в Нидерландах в 2003 году и Венгрии в 2007 году (а также в Австралии в 2005 году). По данным одного из докладов более 800 программ восстановительного правосудия работают по всей Европе (цитируется по Gavrielides, 2005)

Идея восстановительных конференций также распространяется в Азии, Африке и Южной Америке, судя по территориям и странам, представленным на конференции в Нидерландах в 2003 году. Сюда входят Гонконг, Южная Африка, Япония, Аргентина, Таиланд, и Папуа-Новая Гвинея. В 2007 году состоялась международная конференция по восстановительной конференций на Ямайке (Wachtel, 2007). В перечень стран с действующими программами восстановительного правосудия входят Южная Африка, Чешская Республика, Лесото и Ирландия (Dandurand & Griffiths, 2006).

Многие из этих проектов по сути являются инициативами в сфере восстановительного правосудия, разработанные в ответ на проблемы молодежной и, в меньшей степени, взрослой уголовной преступности, часто (но не всегда) находящейся в нижнем конце шкалы тяжести правонарушений. Часто эти проекты увязываются с полицейскими программами реабилитации малолетних преступников. Концепция восстановительной практики также была конвертирована в удобные форматы для других сфер деятельности (например, на рабочих местах; Thorsborne, 1999a). Основной областью применения восстановительного правосудия является сфера школьных дисциплинарных правонарушений. Школьная дисциплинарная система часто работает параллельно с системой уголовного правосудия. Преступления, которые относились бы компетенции полиции, произошли бы за пределами школы, часто рассматриваются учителями и администрацией, когда они происходят в школе. Обычный подход в школах, как и в сообществе, акцентирован на изоляции правонарушителя, установлении вины и применении наказания. Как и в уголовном правосудии, редко когда обращают внимание на заглаживание ущерба, нанесенного отношениям или школьному сообществу. Известный судья Новой Зеландии и сторонник восстановительных конференций Fred McElrea (1996) призывал школы взять на вооружение те же методы, которые применялись в контексте ювенального правосудия. Формат восстановительных конференций стал применяться в школах Австралии в 1990 годах (Blood & Thorsborne, 2005; Hyndman et al., 1996; Thorsborne, 1999b); и в Новой Зеландии несколько лет спустя (Drewery & Winslade 2005, Группа разработчиков восстановительных практик, 2003; Winslade, Drewery, & Hooper, 2000). Мы оба участвовали в пилотном проекте по внедрению восстановительных конференций, организованном Министерством образования в Новой Зеландии между 1998 и 2000 (et al., 2000; Gerritsen, 2001). В Северной Америке восстановительные практики в школах были взяты на вооружение в Канаде (Zammit & Lockhart, 2001) и во многих регионах Соединенных Штатов. Например, в Калифорнии, в одном их сообществ параллельно работали процессы восстановительных конференций в ювенальной юстиции и в школьном сообществе (Nash, 2004). *Восстановительная дисциплина* (Amstutz & Mullet, 2005; Elton, 2007) предлагается в качестве нового подхода к контролю за мелкими правонарушениями в школах. В рамках этого подхода происходит обучение ответственности, а сам подход направлен на искоренение неподобающего поведения. Существуют также энтузиасты и несколько работающих проектов, направленных на внедрение восстановительных конференций в школах Ирландии и в Великобритании (McGrath, 2002).

Школьные сообщества применяют принципы восстановительных практик в различных ситуациях выбора в качестве реакции на дисциплинарные проступки. В штате Квинсленде, Австралия, в 1994 году, восстановительные конференции начали применять, когда молодые люди совершали тяжкие уголовные преступления, такие, как поджог своей школы (Morrison, Blood, & Thorsborne, 2005). В нашем пилотном проекте в Новой Зеландии главной мотивацией Министерства образования и департамента предупреждения преступности при офисе премьер-министра (которые совместно финансировали проект) по введению

восстановительных конференций в школах была попытка уменьшить число отстранений учеников от занятий в средних школах. В 1990-е годы в Новой Зеландии резко выросло число отстранений учеников от занятий (Министерство образования, 2003), как и во многих других странах в ответ на растущее внедрения рыночных ценностей в образовательной политике. Поэтому восстановительные конференции внедрялись в качестве альтернативы процедуре слушаний по отстранений учеников от занятий. Многие школы Новой Зеландии использовали восстановительные конференции сначала для этой цели, а вскоре увидели их значимость и для других случаев. Часто конференция созывается для предотвращения тенденций в поведении учащихся, которые могли потенциально спровоцировать отстранение учащихся от школы в будущем. Некоторые школы используют конференции в период после отстранению учащихся от занятий для последующей реинтеграции ученика, совершившего правонарушение, обратно в школу таким образом, чтобы это вызвало соответствующее изменение в его поведении. Иногда происходит так, что весь класс находится в состоянии кризиса в результате проблем во взаимоотношениях между членами коллектива, и вместо назначения неких карательных мер, внедряется процедура восстановительных конференций внутри класса (Группа разработчиков восстановительных практик, 2003). Также продуктивными оказались круги для решения конфликтов в классе в различных культурных контекстах (Amstutz & Mullet, 2005; Pranis, 2005). Алан Дженкинс (2006) иллюстрирует использование восстановительных практик для решения конфликтов на почве сексуального насилия и сексуальных домогательств в школах. В рамках программы «медиации по борьбе с прогулами» в штате Юта (с процессом, который больше похож на конференцию, чем классическую медиацию), были рассмотрены 276 случаев прогулов в 2003 году и 75 процентов детей улучшили свои показатели посещаемости. (Amstutz & Mullet, 2005; Elton, 2007). Иногда полномасштабная конференция просто не оправдана, и вместо нее применяют *восстановительные беседы* с участием трех или четырех человек (Группа разработчиков восстановительных практик, 2003). Этот процесс можно назвать как *восстановительное интервью* или *восстановительная беседа* (Маргарет Thorsborne, личное общение, 2006).

Те же авторы также утверждают, что это именно сеть таких взаимоотношений составляет и создает социальный капитал, который школа передает своим ученикам. Они предлагают ученикам некую скрытую повестку, которую можно усвоить, или впитать через практики данной школы.

Доказательства эффективности

Уже имеются доказательства эффективности восстановительных практик в школах и общинах. Максвелл и Моррис (Maxwell and Morris, 2006) составили наиболее исчерпывающие отчеты о влиянии процесса семейных конференций в Новой Зеландии на молодых правонарушителей и их семьи. Они посчитали, что с 1989 года, более 90 процентов семейных конференций закончились составлением планов, которые включают задачи, подразумевающие выработку ответственности. Более 80 процентов из этих задач были направлены на заглаживание вреда, нанесенного правонарушением, и в 80 же процентах случаев эти задачи выполнялись самими молодыми людьми. Семейные конференции также привели к снижению на две трети числа заключенных под стражу малолетних правонарушителей. Канадские исследования показали явное падение уровня рецидива после внедрения программ восстановительного правосудия, направленных на несовершеннолетних и взрослых правонарушителей (Cormier, 2002). Индекс удовлетворенности был очень высоким как среди жертв (89 процентов), так и среди правонарушителей (91 процент), участвующих в канадских программах медиации «жертва-правонарушитель» (Cormier, 2002). Джоан Пеннелл (2006), в исследовании в штате Северная Каролина, также сообщает о высоком индексе удовлетворенности участников процессом и качеством достигнутых решений. Австралийские исследования показали, что наличие в процессе восстановительной конференции раскаяния у правонарушителей за

свои действия предсказуемо привело к значительному снижению уровня рецидива (Hayes & Daily, 2003). А в Индианаполисе, двухлетнее исследование, посвященное правонарушителям, впервые совершившим преступления, показало, что правонарушители, которые посещали семейную конференцию, имели значительно более низкие показатели повторных правонарушений, чем правонарушители в контрольной группе (McGarrell & Hipple, 2007).

В школах, эффективность часто заметна по уменьшению числа направлений в конфликтные комиссии за дисциплинарные проступки. Например, после принятия общешкольного подхода в формате *кругов*, одна из школ в штате Юта продемонстрировала 72-процентное снижение числа направлений в конфликтные комиссии (Elton, 2007). Школа в Аризоне, которая взяла на себя аналогичное обязательство по внедрению восстановительных процессов зафиксировала за один год падение числа направлений в конфликтные комиссии от 3786 до 945, а процент прогулов с 16 процентов до 5 процентов (Wipple, по данным Zammit, 2001). А в школе Святого Иосифа, штат Миссури, сообщалось о значительном снижении пропусков по неуважительной причине (Elton, 2007). В Великобритании один из спец.интернатов внедрила обширную программу восстановительных кругов в формате кругов и зафиксировала сокращение по сравнению с предыдущим годом более чем на 50 процентов по числу «проступков» и «случаев связанных с нанесением ущерба» (Boulton & Mirsky, 2006, стр. 91), Наконец, ряд исследований показывает, что, ученики, правонарушители, которые прошли через процесс восстановительной конференций демонстрировали снижение уровня повторных правонарушений и уменьшение вероятности отстранения от занятий или исключения из школы, по сравнению с периодом до внедрения восстановительных практик (Adair & Dixon, 2000; McGrath, 2002).

Принципы восстановительных конференций

Некоторые общие принципы восстановительных конференций хорошо встраиваются в нарративный подход к разрешению конфликтов. Мы обрисовываем эти принципы здесь, а затем предлагаем некоторые конкретные принципы и практики, которые придают нашему подходу к восстановительной конференции свою изюминку.

Увеличьте число голосов в разговоре.

Традиционные подходы к правосудию, как правило, направлены на выявление виноватого, а затем изоляцию этого человека в судебном или административном порядке. Клеймящий подход используется для того, чтобы пригвоздить человека, вызвать в нем чувство стыда и предъявить ему нравственное требование по взятию на себя вины. От обвиняемого ожидается реакция в рамках узкого диапазона покаянного и покорного поведения и признания полномочий тех, кто облечен властью, на вынесение ему наказания. В отличие от этого, восстановительные практики помещают человека в сеть взаимоотношений тех людей, которые значимы для этого человека. Ответственность за заглаживание вреда, нанесенного преступлением, часто делится между всеми, хотя на человека в центре возлагается значительная мера ответственности. Элемент ответственности часто сильнее при восстановительном подходе к правосудию, нежели при карательном правосудии, но кроме этого, ответственность размещается в более реляционном контексте. В идеальном случае, восстановительные конференции могут быть очень творческими в разработке плана для заглаживания вреда. Диапазон точек зрения, представленных в этих конференциях и суммарный эффект от мнений многих участников могут дать почву для таких идей, которые никогда не пришли бы в голову людям, облеченным властью. Если одна голова хорошо, а две лучше, то пятнадцать умов или больше могут быть более творческими экспоненциально. Вероятность того, что обсуждаемый план действий будет учитывать конкретные нужды как жертвы, так и правонарушителя, может увеличиваться многократно.

Интеграция правонарушителя обратно в сообщество

Лишение свободы в контексте уголовного правосудия равно как и отстранение от занятий или исключение из школы в школьном контексте направлены на исключение человека от участия в жизни сообщества, против которого он совершил правонарушение. Восстановительные процессы направлены в другую сторону. Вместо того, чтобы изолировать и разделять, они направлены на восстановление личных отношений и отношений с сообществом. Правонарушителю предлагается шанс встроиться обратно в сообщество, но не на основе вины за совершенный проступок, а на основе работы на собой по возмещению последствий преступления. В школах это означает, что школьное сообщество может выработать инклюзивное отношение, которое не столько мягкое и попустительское в оценке серьезности проступка, сколько требует соответствующей ответственности, принимая в качестве условия членство правонарушителя в сообществе. Границы вокруг сообщества, следовательно, остаются достаточно прозрачными, а не жестко ограниченными. Можно утверждать, что те школы, которые выбирают такой подход, более социально ответственны, чем те, которые просто избавляются от нарушителей и, таким образом, фактически переключают борьбу с правонарушителем, который так ни разу и не был поставлен в ситуацию, когда нужно взять на себя хоть какую-то ответственность, на другие учреждения в сообществе. Существует различие между моральной справедливостью и результативностью и ответственностью. Политика праведного исключения ученика из школы до сих пор присутствует под заголовком *нулевой терпимости* в школьном дискурсе. Но стоит отметить, что рабочая группа Американской Психологической Ассоциации по политике нулевой терпимости (Skiba et al), недавно выступила с серьезным заявлением о том, что эта политика неэффективна или бесполезна в школах. В заключительном отчете рабочей группы приводится довольно нелицеприятный вывод о том, что политика «нулевой терпимости» так и не смогла улучшить школьный климат и безопасность в школе». Предоставленные доказательства «последовательно опровергают... убеждения» в том, что удаление учеников-нарушителей из школы будет создавать позитивный школьный опыт для остальных. Наоборот, было продемонстрировано, что нулевая терпимость, фактически увеличила агрессивное поведение и показатели отсева и серьезно ухудшила показатели дисциплины среди тех, кто постоянно отстранялся от занятий. В отчете рекомендуется уделять больше внимания восстановительным практикам в качестве альтернативы политике «нулевой терпимости».

Интеграция правонарушителей обратно в школьную среду через восстановительные процессы – это опыт работы со стыдом, который сопровождает тех, кто совершил преступления. Джон Брейтуэйт (John Braithwait, 1989) утверждал, что невозможно полностью избежать шельмования правонарушителей, но работу со стыдом можно выстроить аккуратно в рамках реинтеграции через восстановительный подход. Он утверждает, что обычные судебные процессы часто сосредоточены на принижении статуса физических лиц в качестве прелюдии к исключению этих людей из общества, и что стыд играет ключевую роль в этом процессе. Восстановительные процессы же больше сосредоточены на полной реинтеграции правонарушителей в члены сообщества, нежели на деградации их статуса.

Венди Дрюэри (Wendy Drewery) (2004) утверждает, что восстановительные практики в школах – это нечто гораздо большее, чем удачная дисциплинарная техника. Это, в конце концов, выражение этоса общества в целом. По сути ставится вопрос о том, может ли общество справляться с разнообразием инклюзивным образом. Восстановительные практики предлагают такой подход к образованию, который является в большей степени созданием сообщества заботы о несовершеннолетних, и который определяет то, какими взрослыми они могут стать, а не сводится к оценкам за тесты по небольшому числу предметов. Такая забота, в принципе, не может способствовать разделению общества на достойных успеха, и тех, кому суждено маргинализироваться. Вместо этого нужно искать способы, которые всегда связывали бы людей со своими школами и окружающими их

сообществами, даже после того как они нарушили какие-то взаимоотношения в этих школах и в сообществе.

Необходимость в восстановлении отношений

Внедрение восстановительного подхода требует определенного сдвига в мышлении в сторону от обычного дискурса. В доминирующем дискурсе западного правосудия, предполагается, что человек, который совершает правонарушение, обладает моральным или психическим дефектом. Тогда, чтобы правильно отреагировать на проблему, требуется либо наказать или вылечить. В противоположность этому, внутри восстановительного подхода, проблемы рассматриваются с точки зрения отношений между людьми, и правонарушение определяется, прежде всего, как их разрыв. Данный подход направлен на установление вреда, нанесенного отношениям, а затем на заглаживание вреда. Такой фокус не исключает внимания на ущерб, испытываемый участниками конфликта, но он рассматривает индивидуальный ущерб под межличностным, а не под внутриличностным углом. Может рассматриваться ущерб, нанесенный нравственности правонарушителя совершенным преступлением, а также ущерб, нанесенный жертве. Затем, по мнению, Зера (2002), работа концентрируется на смысле правонарушения, не столько в плане правомерности поступка правонарушителя, но с точки зрения обязательств, которые создаются для правонарушителя по восстановлению нанесенного ущерба. Восстановительные практики поощряют понимание правонарушителями последствий своих действий для других, а не только для себя, а затем подвигают их к ответственным действиям, на основе этого понимания.

Восстановительный подход с целью компенсации вреда, нанесенного преступлением, может быть актуальным или символическим. Часто это не представляется возможным полностью восстановить весь причиненный ущерб. В таких случаях можно усилить акцент на символических действиях восстановления ущерба. Часто происходит так называемое реляционное заглаживание вреда, но заглаживание не самый всегда точный термин (Зер, 2002), в частности, для более серьезных преступлений. Для многих жертв важно обрести уверенность, что преступление не повторится, либо по отношению к ним, либо к другим. Для этого, правонарушители должны разобраться с причинами поступка в рамках его реакции на окружающий мир. Многие из них сами становились жертвами враждебных действий других людей. Именно в этом, сообщество заботы, возникающее вокруг правонарушителя, может воздействовать на него в части поддержки и поощрения на предмет взятия им на себя ответственности с учетом конкретных обстоятельств, которые привели к правонарушению.

Принципы нарративной восстановительной конференции

Принципы восстановительной конференции, которые разъяснялись в предыдущем разделе этой главы, хорошо сочетаются с нарративным подходом и могут использоваться совместно с другими подходами к восстановительным практикам. В рамках нарративного подхода к восстановительным практикам, который мы продвигаем, определяются дополнительные принципы, которые будут изложены ниже. Эти принципы подчеркивают использование некоторых конкретных дискурсов и интенциональных языковых практик. Затем мы подробно изложим практику применения нарративного метода для восстановительных конференций.

Овладение уважительным языком

Проблема в не человеке;
проблема в самой проблеме.

Мы позаимствовали этот афоризм Майкла Уайта (1989, с.7), из первой главы. Часто человек, ведущий восстановительную конференцию записывает его на доске в качестве девиза. Принцип, который заключен в этом девизе состоит в соблюдении глубокого уважения. С самого начала правонарушитель получает сигнал о том, что те, кто участвует в этом процессе будут относиться к нему как человеку, который достоин уважения и будут отделять ваши поступки от вашей личности. Ваши действия могут быть подвергнуты критике, как причинившие вред, но человека, который совершил сделал поступки не будут называть плохим человеком. Также вас не назовут больным человеком. Скорее всего к вам отнесутся в качестве личности, которая в состоянии думать за себя и ей можно предложить взять на себя ответственность за собственные действия. Другое послание, зашифрованное в этом афоризме, состоит в том, что участники конференции будут упорно трудиться, чтобы у этого человека появилась целая серия возможных историй, определяющих его личность, одна из которых предположительно никак не будет связана с совершенным правонарушением.

Избегать дефицитарного дискурса

Организаторы восстановительных конференций, которые основывают свою практику на принципе избегания дефицитарного дискурса, будут стараться отделить человека от его поступков, и это будет проявляться в том, как они говорят. Поэтому они будут избегать тех видов языкового общения, которые попадают под влияние этого дискурса. Дефицитарный дискурс обычно доминирует в контексте психического здоровья и образования (Gergen, 1990); это происходит в тех случаях, когда люди пытаются связать проблемные вопросы с личностью правонарушителя. Сюда входит ассоциирование лиц с какой-либо оценочной шкалой оценки, по которой эти люди находятся в нижней ее части (хуже нормы). Это широко используется властями различных уровней, которые приписывают несовершеннолетним искаженную идентичность, как способ управления их проблемным поведением. Примеры из школьного контекста: применение к учениками ярлыков «проблемного поведения», «расстройства, связанного с дефицитом внимания», «эмоциональных расстройств», «дислексии», или «из неблагополучной семьи». Проблема с такими описаниями несовершеннолетних, состоит в том, что часто они делают всех беспомощными и неспособными к переменам. Если считается, что проблема исходит из природы человека, тогда трудно себе представить на чем строить изменения; это относится, в том числе, и к правонарушителям. Можно сказать, что такие описания «натурализуют» проблему в людях. Мы не обязательно оспариваем «истинность» этих описаний, столько их ценность. Их часто критикуют за их клеймящее воздействие (см, например, Braithwaite, 2001). Но помимо клеймящего воздействия, создается неизгладимый образ человека в сознании других людей или в сознании самого человека, снабженный клеймом что не способствует взятию на себя ответственности. Вместо оказания людям поддержки, такие описания их только ослабляют (Джерджен, 1990). Поэтому мы призываем не использовать клеймящие описания в восстановительных практиках.

Избегать тотализирующего языка

Есть еще один тип языка, который вступает в противоречие с целями восстановительных практик, это *тотализирующий язык*. Дефицитарное описание – это один из примеров *тотализирующего языка*, хотя есть и многие другие. Тотализирующий язык стремится обобщить всю природу человека одним словом. Берется один аспект поведения человека и рассматривается как его сущность. Например, человек говорит неправду, и получает ярлык "лжеца" по своей природе. Обобщающий язык часто пользуется такими универсальными словами как *всегда* и *никогда*. Например, «Она никогда не предпринимает никаких усилий», или «Он всегда агрессивный». Проблема в том, что нет таких людей, которые всегда лгут или всегда агрессивны или которые никогда не прилагают ни к чему

усилий. Тотализирующее описание, как правило, основано на ограниченном опыте, но как только оно прозвучит, оно заслоняет множество исключений, которые в противном случае можно было найти в описании проблемы. Тотализирующий язык и дефицитарный дискурс - это примеры эссенциалистского мышления, которое мы критиковали в первой главе. Когда тотализирующий язык используется людьми, облеченными полномочиями, такими как педагоги, психологи, или директора, он особенно сильно воспринимается и часто ощущается учащимися как несправедливый. Тотализирующие описания учащихся сильно влияют на те истории, по которым учащиеся знают в школе и, в конечном итоге, на те истории, по которым они познают себя. При этом такие описания выключают из поля зрения другие возможные истории о человеке, тем самым как бы ослепляя людей по отношению к исключениям из рассказываемой истории. Поскольку и дефицитарные, и обобщающие описания - это усилия, направленные на то, чтобы приписать поведение человека его естественной сущности, то часто говорят, что используется интернализирующий язык. Нарративная практика стремится противостоять этим интернализирующим эффектам с помощью экстернализирующего языка. В процессе восстановительных конференций это означает, что ведущий стремится структурировать беседу таким образом, чтобы действия и поведение описывались как проблемы, а сам человек (ученик или учитель или родитель) не назывался проблемным лицом. Экстернализирующий язык является грамматическим и синтаксическим выражением уважения, о чем мы говорили ранее.

Нарративный метод для проведения восстановительной конференции

В этом разделе мы подробно изложим методику подготовки и проведения восстановительной конференции в режиме нарративной медиации, которая может применяться ведущими. Этот метод можно адаптировать для построения более простых форм, например, небольшого интервью с меньшим числом участников. Подготовительные шаги в кратком формате см. в Приложении 8.1

Приложение 8.1. Нарративная восстановительная конференция.

1. Свяжитесь с участниками и пригласите их на конференцию.
2. Начните с приветствия, в котором вы признаете важность культурных особенностей всех присутствующих на конференции
3. Написать на доске, «Проблема не в человеке; проблема в самой проблеме». Поясните эту концепцию.
4. Попросите участников представиться и сказать кратко, что они ожидают от встречи.
5. Попросите директора объяснить цели созыва конференции.
6. Дайте название проблеме. Попросите каждого назвать проблему со своей точки зрения. Нарисуйте круг на доске и впишите все названия(характеристику) проблемы внутрь круга (рис 8.1).
7. Картируйте последствия проблемы. Пройдитесь по кругу, и попросите каждого из участников рассказать о том влиянии, которое проблема оказала на него или на нее. Из круга на доске, содержащего перечень проблем нарисуйте лучи, и зафиксируйте каждый факт воздействия в маленьком круге на вершине соответствующего луча (рис 8.1).
8. Картируйте контр-истории. Начните с того, что любая история рассказывает только часть общей картины. Попросите всех подумать о каком-либо времени, месте, или отношениях, где проблемная история не наблюдалась. Зафиксируйте эти примеры на доске, начав с малых кругов, заполняя их по внешнему кругу (рис 8.2).
9. Какие другие качества, которые были бы не заметны, если бы люди обращали внимание только на проблемную историю, стали теперь очевидными в отношении к правонарушителю? Запишите эти качества в центре второго круга (рис 8.2).
10. Попросите правонарушителя выбрать историю, которую она хотела бы видеть применительно к себе в глазах

окружающих в будущем. Проблемная история или контр-история? По очереди укажите на два круга, по мере того как задаете этот вопрос.

11. Если правонарушитель выбирает контр-историю, спросите у собравшихся, что будет необходимо сделать, чтобы убедиться, что эта история была реализована. Обратитесь сначала к тем, кто пострадал от преступления, и спросите, как по их мнению, должны развиваться события, чтобы для того, чтобы они почувствовали, что вред, причиненный данным правонарушением, заглажен.

Рис 8.1. Проблема.

12. Составьте план на основе предложений от всех присутствующих по заглаживанию нанесенного вреда, который бы гарантировал дальнейшее развитие контр-истории.
13. Назначить ответственных за выполнение плана, а также наладить контроль за его полным исполнением

Рисунок 8.2. Контр-история.

Примечание: В данной карте сначала заполняются внешние малые круги; а центральный круг - в последнюю очередь.

Мы объясняем эти шаги более подробно в дальнейшей дискуссии. Более полное описание процедуры содействия восстановительной конференции на основе нарративных подходов можно найти в брошюре, опубликованной Группой разработки восстановительных практик (2003 г.) в Университете Вайкато (и в по адресу: [http:// education.waikato.ac.nz/research/pages/item.php?id=89](http://education.waikato.ac.nz/research/pages/item.php?id=89)).

Подготовка к конференции

То как будет разворачиваться история, заявленная, как тема конференции, задается характером приглашения участников и выбором места встречи. Такой выбор оказывают структурирующее воздействие на то, о чем будет говориться в ходе конференции. Необходимо сделать так, чтобы этот процесс был выстроен в форме такого нарратива, который заметно отличается от того, который можно было бы

ожидать в рамках более карательного или воздаятельного процесса. Это означает, что людей следует приглашать для участия, а не вызывать с позиции авторитарного права. При этом, их нужно приглашать используя уважительный тон, вместо того, чтобы присылать небрежно составленное сообщение по почте или на автоответчик. Личное приглашение и полное объяснение того, что будет происходить на встрече должно исходить от того, кому приглашенный человек может доверять. Это означает, что иногда придется тщательно продумывать культурный код всех заинтересованных участников и необходимость учитывать культурные различия.

Точно так же, помещение, в котором будет проводиться конференция, не должно излучать школьный, авторитарный дух. Например, это не должна быть комната, где проводятся слушания по отстранению учеников от занятий или учительская. Иногда уместно выбрать нейтральное место за пределами школы, например, местный культурный центр. Важно, чтобы место было удобным как для обидчика, так и для жертвы, где они могут говорить без запугивания. Место должно символизировать разницу между восстановительным подходом и более карательным или воздаятельным процессом.

Выражение надежды

Целью ведущего восстановительной конференции является стимулирование каждого участника к высказыванию уже на раннем этапе процесса общения. Через высказывание в самом начале, каждый участник выстраивается как участник, имеющий право голоса в контексте конференции. Это наиболее легко организуется в формате высказываний по кругу. Вступительное слово, объясняющее процедуру общения должно кратким и не слишком официальным, чтобы не создать впечатление, что большая часть полномочий конференции возложена на ведущего. Мы выступаем за формат, в рамках которого всем собравшимся дается возможность представить себя, а затем попытаться изложить какой-то один результат, которого они надеются добиться по итогам встречи. Большинство людей приходят на такую конференцию с некоторой надеждой в душе, и такая надежда настраивает встречу на позитивную волну, если эта надежда отчетливо проговаривается на раннем этапе, еще до того, как сама проблема будет обозначена.

Как мы уже отмечали в первой главе, одним из эффективных последствий этого подхода является отображение проблемной истории, как сдерживающего фактора в достижении желаемого результата. Другими словами, траектория альтернативной истории выстраивается с самого начала в качестве центрального фокуса конференции, а проблемная история создается как нечто, с которым надо разобраться сначала для того, чтобы продвигать дальше альтернативную историю.

Использование экстернализирующего языка

Следующим шагом является подчеркивание того факта, что проблемная история существует как препятствие для достижения ожидаемых результатов. Проблемная история может быть изложена на встрече директором школы, с объяснениями того, почему была созвана конференция. Обоснование может выстраиваться исходя из серьезности правонарушения или по траектории отношений,

которые, могут двигаться в сторону усугубления проблем. В любом случае необходимо изложить аргументы. История о том, что случилось, должна быть доведена до сторон заранее, чтобы конференция не превратилась в подобие суда с заслушиванием фактов. Внимание восстановительной конференции фокусируется не столько на установлении фактов, сколько на исправлении положения дел после того, как факт имел место.

Для того, чтобы не скатиться в тотализирующий или интернализирующий язык, восстановительная конференция на основе нарративного подхода выстраивается на как экстернализирующая беседа, в рамках которой проблема проговаривается как нечто отдельное от присутствующих в помещении лиц. Один из способов выстраивания такой экстернализирующей беседы является предложение участникам обозначить проблему, которая и явилась причиной созыва конференции. Как мы уже говорили, задача конференции не устанавливать факты, но сам факт того, что случилось всегда можно рассматривать с разных точек зрения. В рамках конференции собирается какое-то число голосов, и каждый из присутствующих будет иметь свою собственный интерес, как в обозначении проблемы, так и в ее урегулировании. Обозначение проблемы (присваивание имени для проблемной ситуации) и должно вбирать в себя эти различные точки зрения, потому у проблемы будет несколько названий. Поэтому участникам предлагается по кругу назвать проблему с его или ее собственной точки зрения. Каждое название записывается на доске в середине большого круга (рис 8.1).

Важно то, чтобы каждое предложение было заслушано, принято, и записано. Единственное условие состоит в том, чтобы предложение было сформулировано экстернализирующим языком, прежде чем оно будет записано. Это должно быть действие или ситуация, описанная в названии проблемы, а не конкретное лицо или недостаток его личности или характера.

В соответствии с философией восстановительного подхода, профессионалам из школьной администрации и учителям не следует давать возможность первым обозначить проблему. Такую возможность следует предоставить жертве или жертвам правонарушения. Иногда сложно бывает использовать само слово *жертва*, либо причина, возможно, в том, что некоторые люди не хотели бы думать о себе как о жертве. Поэтому часто предпочтительнее говорить о тех, кто наиболее пострадал от действия правонарушителя. Им должна быть предоставлена возможность дать имя тому, что воздействовало на них. Если они по-прежнему дают волю гневу применительно к правонарушению, они могут назвать человека, как проблему. В таком случае, мы не стали бы вступать с ними в спор, а просто спросили бы, «Что этот человек сделал такого, что создало для вас проблему?» Ответ на этот вопрос преобразуется в существительное и формулируется с помощью экстернализирующего языка. Например, ответ, «Он ударил меня», можно записать как «побои». Также важно, спросить у ученицы, совершившей правонарушение, как бы она сама назвала проблему. Если она отвечает, обвиняя либо себя либо других, такой же вопрос можно задать ей. Экстернализирующий язык отсоединяет чувство вины и стыда, и просто описывает действие или ситуацию, которая переживается как проблема.

После того, как проблема обозначена, ведущий конференции впоследствии

должен обращаться к истории, которая составлена из различных имен, данных ей участниками, как к истории о правонарушителе, а не как истине о самой личности преступника. Преимущество, создаваемое экстернализирующим языком, состоит в том, что он создает потенциал и оставляет возможность для всех в комнате, в том числе и для правонарушителя, описать событие другими словами. Если эти другие слова удастся сформулировать так, чтобы, это ассоциировалось с ответственностью и обязательствами, то легче будет прийти к решению, которое позволит загладить вред, нанесенный преступлением.

Картирование последствий проблемы

После составления перечня названий для предмета конфликта, следующим шагом является изучение последствий проблемы на каждого человека, участника конференции. Эти последствия можно обобщить, инициировав еще один круг и задав вопрос, «Как эта проблема [указывая на все слова в внутри круга на бумаге] повлияла на вас?» И снова, ответ каждого человека записывается на доске. Для каждого ответа, вычерчивается луч из центрального круга и последствия проблемы записываются внутри малого круга в конце соответствующего луча (рис 8.1).

Также важно будет спросить человека, совершившего правонарушение: «Как эта проблема повлияла на вас?» Этот вопрос предполагает, что преступник также часто становится жертвой своего собственного поведения. Этот вопрос может помочь участникам не скатиться на тотализирующий язык в разговоре о личности преступника.

Результатом этого раунда вопросов будет некое визуальное отображение истории проблемы и ее воздействия на структуру отношений вокруг нее. И поскольку всё внимание участников будет обращено на диаграмму, а не на отдельного ученика, процесс разделения человека и проблемы путем экстернализации усиливается. При этом, всем присутствующим может быть очень полезно графически увидеть весь спектр последствий обсуждаемой проблемы. Это ослабляет индивидуалистические предположения о совершенном правонарушении и делает осязаемой сеть взаимоотношений, в которой данные люди проживают свою жизнь. Для правонарушителя это часто действует отрезвляюще, когда он видит, сколько людей пострадало от одного его поступка. Жертвы часто воспринимают это как поддержку в том, что они не одиноки в своих переживаниях последствий происшедшего события. Для конференции в целом, диаграмма выстроенная на доске показывает, куда нужно направить усилия, чтобы исправить положение.

Картирование исключений (территорий, не захваченных конфликтом).

Поскольку жизнь чрезвычайно многообразна, всегда найдутся исключения для любой истории. Также как и всегда отыщутся пробелы в любом рассказе о личности любого человека. У человека, которого клеймят как преступника, найдется много случаев, честного законопослушного поведения. А у того, кого причисляют к проблемным детям в школе, есть много моментов, когда их поведение вообще не

представляет никакой угрозы для окружающих. И вопрос, на который пытаются найти ответ внутри нарративного подхода звучит так, «Могут ли все участники процесса подумать о таких пробелах и противоречиях?» Вместо того, чтобы игнорировать их и рассматривать их как незначительные или неуместные, мы выбираем ситуацию, когда мы придаем им значение, создавая вокруг них историю. Поэтому, нарративные восстановительные практики выделяют противоречия в отдельные истории и не стремятся интегрировать их с проблемной историей, чтобы сформировать единую или тотализирующую историю. Мы исходим из предположения, что жизнь людей - это не одна история, в много переплетенных историй.

Перед тем как создать новую историю, которая будет содержать исключительную ситуацию, ведущий должен сначала услышать его и отфиксировать. Трудность состоит в том, что в рамках доминирующих историй о человеке, в силу их доминирующего характера, трудно услышать исключения и придать им какое-либо значение. Таким образом, в рамках восстановительной конференции, мы умышленно начинаем разговор с проблемной историей и записываем ее на доске на всеобщее обозрение. Затем мы сознательно говорим себе: «Ни одна из историй не охватывает все, что может быть известно о человеке. Мы предполагаем, что история этих проблем, проговоренная путем экстернализации, дает нам лишь очень неглубокое представление о жизни [фамилия правонарушителя]". Мы продолжаем спрашивать, что каждый из присутствующих знает о правонарушителе такое, «что не вписывается в данную проблемную историю?» Были ли случаи, когда проблемная история не проявлялась или места, где она не прослеживалась? Или есть особые отношения, в рамках которых она не проявляется? Каждая собранная уникальная история такого рода принимается к рассмотрению и записывается на доске на лучах вокруг второго круга в центре, который вычерчивается рядом с основным кругом, описывающим проблемную историю. В процессе заполнения второй диаграммы (рис 8.2), постепенно проявляется контраст.

На этот раз ведущий работает в противоположном направлении на диаграмме. Ранее на диаграмме проблемной истории ведущий начинал заполнение с перечисления названия проблемы внутри большого круга, а затем перечислял последствия проблемной истории в малых кругах на верхушках лучей

В этот раз ведущий собирает примеры того знания присутствующих о правонарушителе, которые не вписываются в проблемную историю, и начинает записывать эти примеры в малых кругах на верхушках лучей снаружи большого круга. Затем ведущий переходит к заполнению внутреннего круга на следующем этапе процесса.

Создание альтернативной истории

По мере того, как выстраиваются примеры, противоречащие проблемной истории, ведущий может спросить о выводах, которые присутствующие могут сделать на основе этих примеров о качествах человека, которые отличаются от изложенных в проблемной истории. Например, если участники слышали историю о том, как молодая девушка, которую осуждают за то, что она регулярно говорит с

ученикам и персоналом школы в оскорбительном тоне, проявляет доброту и ответственность по уходу за пожилым дедушкой, они могут сделать вывод, что это история о доброте и ответственности. Эти два слова могут быть записаны в центре второго круга.

При этом, здесь нет намерения свести на нет проблемы историю. Она никуда не делась, и дело, по-прежнему, обстоит серьезно, но контраст позволяет всем увидеть, что проблемная история необязательно будет продолжаться. Существует, по меньшей мере, еще одна альтернатива. Поэтому ведущий может сформулировать существование этих контрастных историй как точку выбора для правонарушителя. После того как обе истории полностью оформлены на бумаге, ведущий спрашивает обидчика, «какая из этих двух историй на твой взгляд будет той историей, по которой о тебе будут судить окружающие в будущем?»

У правонарушителей за плечами часто история, когда с ними нередко говорили, используя тотализирующие и дефицитарные описания его поведения, так что правонарушитель обычно существенное облегчение, когда ему дается возможность сказать, что он предпочитает альтернативную историю, как ту по которой о нем будут судить в будущем. Для него достаточно легко сделать этот выбор, сказав одно слово, или даже просто жестом указывая на выбранную диаграмму, но это важный шаг в сторону альтернативной истории. Выбор, который он сделал, был сделан в присутствии тех, кому он не безразличен. После чего ведущий уже может спросить всех присутствующих о том, что они могли бы предложить для того, чтобы загладить ущерб, нанесенный проступком и закрепить альтернативную историю, которая была отображена на доске.

Заключительная часть восстановительной конференции посвящена выработке плана по закреплению альтернативной истории. После того, как правонарушитель выбрал альтернативную историю как ту, по которой о нем будут судить в будущем, ведущий спрашивает всех собравшихся, «Что необходимо сделать для того, чтобы эта история действительно продвинулась?» Кроме того, необходимо подчеркнуть, что проблемная история вызвала последствия, перечисленные на первой диаграмме, и что их нельзя игнорировать. Альтернативная история должна быть направлена на решение проблемы и последствий, которые она создала. Поэтому участников необходимо расспросить о вреде преступления и что, по их мнению, нужно сделать, чтобы загладить вред. Эта часть конференции часто порождает мозговой штурм. Следует быть внимательным и гарантировать в ходе беседы первоочередность выслушивания голоса жертвы. Ее можно в частности спросить, "Что по вашему мнению должно произойти, чтобы вы почувствовали, что ваши потребности и проблемы были решены?" Следующим приоритетом является то, что члены семьи правонарушителя получают возможность высказаться и внести свои предложения по решению проблемы, и что голоса профессионалов не являются доминирующими. Именно в этот момент многие конференции могут стать довольно креативными. Так как на детальное отображение последствий проблемы было потрачено время, появляется много возможностей для генерации идей, которые будут направлены на устранение каждого из зафиксированных последствий.

На этом этапе часто предлагаются и осуществляются попытки принести

извинения. С этим нужно быть осторожным. Иногда люди считают, что предложенное извинение может прекратить конфликт. По этой причине, жертвы часто по понятным причинам не верят извинениям, если те не соответствуют обязательствам и взятой на себя ответственности за совершенное преступление. Здесь может помочь нарративный подход. Мыслить в формате жизненных историй, которые перемещаются во времени, ведущий может расспрашивать о тех действиях, к которым могут привести извинения. Какие события могли бы произойти, которые позволили бы присутствующим, понять, что извинения не просто пустые слова? Получив ответы на этот вопрос, ведущий может встроить извинения в то, что будет выполняться, а не будет просто пустым звуком. В итоге это может превратиться в длительную историю ответственности, а не будет просто проходящим случаем, которому не достаёт смысла, для того чтобы двигаться вперед.

План действий, который участники формируют на последнем этапе конференции, должен содержать ряд особенностей. Он должен быть детализирован и ограничен во времени, при этом он должен быть реально выполним. Он также должен быть культурно приемлем. Настолько, насколько это возможно, план должен соотноситься с характером правонарушения. Следует назначить ответственных и сроки исполнения пунктов плана. Такая специфика, очевидно, должна предусматривать обязанности, которые обидчик согласился взять на себя. Но могут также быть и другие обязанности, которые согласятся взять другие. Например, родители могут взять на себя ответственность за то, чтобы правонарушитель сделал то, что обещал. А учителя могут взять на контроль изменение школьных функций. Иногда характер проблем предполагает внесение изменений во внутренний распорядок школы для того, чтобы гарантировать, что в будущем подобные проблемы не наблюдались. Одна школа, например, решила пересмотреть свой регламент контроля дисциплины в обеденное время для того, чтобы повысить уровень безопасности учащихся в связи с возможными проявлениями хулиганства (буллинга). Это является одним из преимуществ формата школьной конференции по сравнению с форматом индивидуальной ответственности. В ответственных и чутких руках конференция может генерировать импульс как в направлении системных изменений, так и личных.

И, наконец, саму конференцию не следует рассматривать как разовое мероприятие, которое существует как бы вне времени. В идеале конференцию следует встраивать в текущие нарративы школы и нарративы тех, кто участвовал в ней. Для этого необходимо, чтобы решения, принятые на конференции, отслеживались с налаживанием необходимого контроля, чтобы убедиться, что принятые решения дают результат. Перед завершением конференции (в идеале устроив некое ритуальное празднование), участникам следует договориться о процессе контроля за выполнением принятых решений и назначении ответственных.

Размышления о восстановительных конференциях в школах

То, что мы кратко описали здесь является процессом восстановительной конференции в контексте школы. Он несет в себе сильный нарративный фокус, хотя

мы признаем наличие ряда других подходов. Просто мы лично убедились в глубоком и эмоциональном воздействии этого подхода на всех участников. Мы говорили с рядом руководителей школ и учителей, которые начали использовать этот процесс, вначале с некоторой долей скепсиса, а затем - с энтузиазмом. Некоторые школы с удивлением обнаруживают, сколько энергии они реально готовы посвятить внедрению восстановительных практик. Изложенный здесь процесс восстановительной конференции может использоваться для решения важных проблем, которые требуют применения действенных и безотлагательных мер. При наличии творческого подхода, школа может приспособить этот процесс, несколько его упростив, для решения менее серьезных проблем.

Те, кому по духу близок этот процесс, часто обнаруживают, что их отношения с учащимися в школах получают новую подпитку, и они начинают видеть потенциал для нового видения внутри учебного сообщества. Это видение характерно для школ, в которых реакция на проблему состоит в фактическом ее решении (вместо того, чтобы просто избавиться от их), и это то, что влечет за собой значительные изменения, иногда очень быстро.